

18+

Татяна Чебатуркина

*Алый
Отблеск Зари*

ГЛУБИНА

СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ

Татьяна Чебатуркина

Сборник повестей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64771646

ISBN 9785005356185

Аннотация

«Любовь – как дерево: она вырастает сама собой, пускает глубоко корни во всё наше существо и нередко продолжает зеленеть и цвести даже на развалинах нашего сердца». Виктор Мари Гюго Часть текста ранее была опубликована отдельной книгой.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Очередной сон	6
Глава 2. Вызов	18
Глава 3. Облом	28
Глава 4. Открытие	38
Глава 5. Заимка	46
Глава 6. В тайге	55
Глава 7. Максим	62
Глава 8. Перевал	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сборник повестей

Татьяна Чебатуркина

Дизайнер обложки Наталья Ананьева

Корректор Ольга Ананьева

© Татьяна Чебатуркина, 2021

© Наталья Ананьева, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-5618-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Отец! За свои восемнадцать лет жизни Ярослав ни разу в жизни не произнес это слово. Некого было так называть. Неясный образ, плавающий в тумане ночных сновидений, и пустота в реальной действительности. И страшная, пугающая невозможность для истинного отца, чтобы родной мальчишка вдруг тебя узнал через полосу потерянных лет и произнес это святое слово.

Глава 1. Очередной сон

Откуда и почему всплывают вдруг в беспамятстве ночного отключения от действительности такие яркие картины невозможных снов?

«Приподнятое настроение, чуточку волнения и уверенность, что готов к экзамену. Какая-то светлая аудитория с огромными арками старинных окон, вполне понятный вопрос на экзамене по истории – войны и завоевания шестнадцатого или семнадцатого веков. Перед глазами – карта Западной Европы – знакомые очертания: Испания, Англия, раздробленные княжества Германии. И вдруг через секунду – беспомощность. Какое – то помутнение, выпадение памяти: вместо карты – белый равнодушный цвет – ни границ, ни названий, исчезли реки и моря. Пустота. Утомительный напряг, чтобы мысленно восстановить хотя бы какие-то обрывки текста, нужных страниц учебника, и отчаяние – все бесполезно. А в рюкзаке, в карманах – ни одной шпоры, подсказки – самоуверенный отличник. И, что странно, – папки нет. Только глубочайшее чувство потерянности, неудовлетворения и разочарования».

Вскочил с кровати с мыслью:

«Скорее на турник! К черту эти щенячьи переживания

от несуразицы увиденного сна! Восемнадцатый год скоро по темечку шарахнет, а ты все копаешься во внутренних заморочках сновидений, как девчонка!»

Телефонный перезвон в пустой квартире затормозил на пороге. Глуховатый бас деда из далекого германского городка отрапортовал по-военному четко и немногословно:

– Ярик, мы долетели нормально. Уже у Инны садимся за стол завтракать. Жалко, что ты заупрямился. Ну, не скучай! Готовься к экзаменам. Ведь не могли же мы тебя, как теленка, на веревочке в Германию притащить. На день открытых дверей в университет поедешь? Ведь специально для таких, как ты, преподаватели стараются. Наобещают с три короба, по аудиториям протащат. Только после окончания вуза с дипломом придется побегать по конторам, чтобы устроиться на работу. Гарантий ведь никто не дает. Ну, ничего! Вызов твой в Германию готовенький лежит в шкафу. Получишь аттестат и сразу все для себя прояснишь. Пока! Привет от всех!

Ярослав на минуту представил, как бабушка поднималась с ее одышкой по трапу в Шереметьево, крестилась, опираясь на руку деда, впервые в жизни увидев вблизи огромную махину лайнера. Усмехнулся: «Понравится летать – будут каждый год домой навещаться, пока не обживутся в чужой

стране».

Разминаясь, сразу припустил быстрым шагом, но тело, привыкшее к нагрузкам, требовало скорости. Деревянная калитка на школьном стадионе была нараспашку, без задержки вышел на обычную натопанную земляную беговую дорожку.

Секундомером никогда не пользовался. Главное – знать свои предельные возможности, чтобы при сдаче нормативов в конце года не шагать последний круг пешком под насмешки одноклассников и подбадривающие крики девченок: «Держись, еще сто метров нужно доползти!»

Ранняя весна уже к середине марта расправилась с высоченными снежными сугробами, морозными ночами подъеда дневную капель и грязные лужи. И утреннее неторопливое восхождение постепенно разгорающегося солнца сразу растворяло, разбавляло высоченную синь распахнувшегося неба.

Эта захватывающая дух ежедневная пробежка по стадиону, потом по широченным улицам медленно просыпающегося заволжского поселка выключала все посторонние мысли, фиксируя внимание только на ежесекундных изменениях вокруг: редкие машины, случайный прохожий, стук мо-

лотков строителей на новой крыше шикарного двухэтажного особняка. И волны особого морозного, упругого воздуха, которые ощутимо тормозили движение – так его было много вокруг.

«А сегодня никуда не нужно спешить – последние школьные каникулы. И скоро закончится утомительное перепрыгивание из одного класса в другой с подгоном себя словесным кнутом: «Ты должен, обязан, надо успеть, надо, надо, надо!»

Одиннадцать школьных лет – это чрезвычайно много для современной жизни. Явное пересиживание в домашнем гнезде. До шестнадцати лет – вот время предельного нахождения в школе. А потом выбор, проба своих возможностей и резкое изменение направления деятельности, если случайно не туда занесло».

После пробежки – ощутимое чувство голода. Бабушка теперь далеко, сам о себе должен заботиться.

«Ешь больше мяса и картошки – с голоду не умрешь. Картошка, лук, морковь – в погребе, курицу в магазине купишь» – дед Иван не показывал свою озабоченность, когда внук уперся после новогодних праздников и наотрез отказался уезжать в Германию. Ломать парня не стали – и, прав-

да, что он забыл в далекой стране? Окончит школу, поступит в вуз, будет жить в общежитии. Соскучится – прилетит на каникулы в гости за границу. А за домом в селе соседи присмотрят.

Мнение своей матери Инны Ярослав откровенно проигнорировал. Она уехала в Сибирь к родственникам бабушки, чтобы начать новую жизнь, оставив годовалого Ярослава в селе на мать с отцом. И десять лет назад она не думала о сыне, когда с новым мужем поспешила оформить документы на выезд из России.

Ярослав обжарил на чугунной сковороде половинку курицы, порезал огромную луковицу в скворчащее масло, открыл двухлитровую банку с маринованными огурчиками. Спасибо бабушке Наталье – научила готовить, даже в Интернет можно не заходить за рецептами. И еще он сегодня напечет пирогов в честь первого дня каникул.

«Вот интересная метаморфоза – кладешь в молоко соль, сахар, дрожжи, яйцо, сыпешь муку и через два часа получаешь необычный продукт – тесто. Такую живую субстанцию, которая на твоих глазах преодолевает препятствия в виде стен кастрюли и упорно рвется на захват новых территорий. И так уже тысячелетия. Тесто вызревает в тепле. И мысли, решения в голове тоже должны созреть.

Почему мы так устроены, что, чем неожиданнее нас накрывает идея X, тем быстрее мы убеждаем себя в ее гениальности. И сразу мечтаем об ее немедленном внедрении в жизнь, забывая об условиях созревания теста – тепло и время.

Не поеду я на эти традиционные Дни открытых дверей. Внешняя обложка вуза и расписанные плюсы будущей студенческой жизни все равно не сумеют убедить, тот ли это вуз, без которого моя будущая жизнь вряд ли будет успешной? И почему именно областной город? Потому что туда устремляются бесконечные удобные маршрутки в любое время суток? А почему бы не рвануть в столицу или Санкт-Петербург, где сконцентрирована одна треть всех вузов страны? Где больше бюджетных мест! И где в разы выше проходные баллы ЕГЭ!»

Приколол себя:

«Ты смотри, какой умный стал! Точно, нужно в юристы подаваться! Будешь наизусть потом шпарить параграфы и статьи кодексов со значительным видом. Ладно, философ, готовь начинки для будущих пирогов. Запах сдобы в доме – это точно уже половина праздника. И думай до завтрашнего утра. Не поедешь – сэкономишь приличную сумму, приго-

дится летом».

Достал с полки старинную поваренную бабушкину «Книгу о вкусной и здоровой пище», 1984 года издательства, в роскошном твердом переплете. Бабушка, смеясь, рассказывала, как подружки Инны любили рассматривать яркие картинки, заказывая самые изысканные сладкие блюда. Слюнки потекли, когда вспомнил, как уминали с пацанами большими ложками из двухлитровой кастрюли ароматный заварной крем.

Из книги выпал старый пожелтевший конверт с картинкой космонавта Юрия Гагарина. Ярослав достал простой листок из тетради в клеточку. И тотчас забыл о своих поварских задумках. Письмо было адресовано матери:

«Здравствуй Инна! Больше трех лет прошло, как ты сошлась из нашего университета, не понятно, почему. Золотая медалистка, была зачислена на бюджет биологического факультета МГУ. И, хотя вылезли у тебя в зачетке после первой сессии две тройки, стипендию перестали платить, ну и что? Для единственной дочери нашли бы твои родители лишние тысячи рублей. Прости, но догадываюсь, что вся твоя решимость бросить учебу была завязана на Саше Соснине. Что вы с ним не поделили – не пойму? Такая сумасшедшая влюбленность – ты была невозможно счастлива,

не вылезала из его общежития целыми днями и ночами, учебу забросила, на лекциях тебя никто не видел. А после ка-никул в феврале – тебя, как отшептали. Проживая в одной комнате, я догадывалась, что ты залетела, но ты всегда была чересчур высокомерной, строила из себя принцессу. Что ты ему и всем хотела доказать, непонятно? И Сашка внезапно ушел в армию после второго курса летом, хотя учился без проблем. Встретила его недавно на улице. И он сразу спросил про тебя. Вернулся после армии, восстановился на своем геологическом факультете. Сказал, что ты на его звонки не отвечала. Жизнерадостный, энергичный. А я не удержалась и съехидничала, успел ли он перед армией жениться на аспирантке своего вуза, с которой назло тебе закрутил весной бурный роман. И он честно признался, что жениться не стал, а дочку от него аспирантка родила, пока он служил в армии. Вот такие последние новости. Инна, Сашка просил дать твои координаты, но я послала его подальше. Таким подлецам нельзя верить. Пиши мне до востребования. На всякий случай кладу тебе листок с Сашкиным домашним адресом. Хотя бы будешь знать, из каких краев он появился в Москве. Желаю счастья. Света».

На листочке стояла дата – в день получения письма уже целый год мать жила в Сибири. А ему, Ярославу, тогда успело исполниться два года. И, судя по нахождению письма в таком необычном месте, мать его не читала.

«Почему дедушка с бабушкой не переслали письмо дочери? Ясно, это была для них большая тема. Единственная дочь Инна, гордость школы и семьи, умница из далекого заволжского села не потянула учебу в самом престижном вузе страны, скатилась до троек. И, как следует из чужого письма, потому что ярко вспыхнувшее любовное увлечение затянуло ее в постель второкурсника другого вуза, который после зимних каникул бросил глупую девчонку в положении, закрутив другой роман с опытной аспиранткой.

Но почему, когда Ярослав вырос, ни бабушка, ни дедушка не поторопились посвятить его в эти тайны своей семьи? И письмо пролежало в бабушкиной поваренной книжке, как в сейфе, почти шестнадцать лет».

Сколько сразу этих «почему»!

В селе за глаза мать называли неудачницей.

Тема отца была закрыта для Ярослава еще с детства. На все его вопросы всегда следовал один ответ: «Отчима ты не захотел называть отцом, а биологический отец пропал без вести. У нас даже его фотографии нет. Дедушка тебе теперь за отца. Два в одном. Гордись!»

У бабушки в далеком детстве иногда случайно выле-

тали неожиданные слова «сиротиночка ты наша горькая». Но недостатка ласки и внимания Ярослав никогда не испытывал.

«Валерьянку ты, Ярослав, точно пить не будешь. Пирог подождут. Хорошо, что бабушка не выкинула письмо в ведро для мусора. Осталось оно дожидаться своей хозяйки? Или бабушка, как опытный криминалист, оставила зацепку для возможного примирения своей дочери с отцом ее ребенка? Ведь мать в это время поступила в железнодорожный техникум в Иркутске у тетки, и ни о каком новом браке даже разговоров не было. Адрес предполагаемого отца на листочке из записной книжки, возможно, уже устарел. Но все равно, за какой-то конец нужно потянуть, чтобы попытаться распутать эту семейную тайну».

Ярослав достал свидетельство о рождении. Отчество – Иванович, как имя у деда, фамилия – деда, и прочерк на строчке отец. Встал, подошел к старинному бабушкиному трюмо:

«Да, любоваться особенно нечему. Самое главное – густой чуб, который при некотором старании с помощью расчески аккуратно прикрывает правую половинку высокого лба. А остальное спокойно можно пережить: худощавое лицо, дурацкие ямочки на щеках, прямой, несколько длинноватый

нос, подбородок волевой, губы решительно сжаты, глаза карие и брови материны, взлет. Не лопоухий. И размах плеч ничего.

Это как же нужно было обидеться матери, чтобы даже не сказать любимому человеку, что она ждет ребенка? Детский сад какой-то! Телефоны у всех современные, в любое время суток напиши СМС, если трудно через себя переступить. Самолеты, поезда – пожалуйста! Нет, бросилась домой, чтобы укрыться от обид на весь мир в своей светелке за спиной папы и мамы. А о будущем ребенке подумала? И этот Александр, даже отчество его неизвестно, успел и еще одного ребенка сделать несчастным. Шоковая терапия! Пока тесто в кастрюле притаилось, нужно срочно отправить по старому адресу письмо, чтобы сегодня же ушло с почтовой машиной».

Письмо написал строго деловое: «Прошу сообщить местонахождение выше указанного Александра Соснина. Его разыскивают дальние родственники. К сожалению, связь с ним прервалась почти шестнадцать лет назад. Высылаю конверт с обратным адресом и с нетерпением жду любого ответа. Ярослав».

Пироги с капустой и с яблоками получились классные. Тесто не обиделось за несколько растянутый срок созревания,

и теперь десерт на два дня был обеспечен. Завис у компьютера на долгие шесть часов с заданиями ЕГЭ по обществоведению, отгоняя посторонние раздумья о прорехах и сигнальных промахах в отдельно взятой жизненной ситуации, в данном случае касающейся именно его.

Глава 2. Вызов

Вечерний звонок в Германию должен был потревожить мать, но сидеть и тупо ждать, сколько будет блуждать по рельсам огромной страны его письмо, было неблагоприятно. И пусть, наконец-то, раскроет она своему взрослому сыну, почему так старательно скрывала все эти годы тайну его настоящего отца.

Но выдохнул с облегчением, когда вместо матери трубку взял дед:

– Твоя мать заторопилась и оставила телефон на столе, когда вместе с бабушкой они уехали на обследование в клинику. Неважно наша Наталья Ивановна себя чувствует вдалеке от дома. Одышка усилилась после перелета. Зря мы на Германию купились. Нужно было в областном центре на операцию в кардиоцентре соглашаться или в Москву ее везти. Все в эти проклятые деньги упирается. Тут все-таки такие светила работают. И у Инны страховка есть. Будем надеяться на лучшее. Инна разобьется, но для матери все возможное сделает. Как ты?

– Дед, ты скажи, только честно: моя мама знает, где сейчас живет мой настоящий отец? Я нашел письмо шестнадца-

тилетней давности, там его старый адрес, мне теперь известны его имя и фамилия. И все. И обидно. Мне нужно просто прояснить для себя – почему мать отказалась сообщить о моем появлении человеку, причастному к моему зачатию, даже, если он являлся преступником? Почему она не захотела быть со мной в детстве, чтобы дать мне положенную долю материнской любви и ласки, бросив меня на вас? Ведь я нормальный, не урод. Неужели разрыв с любимым человеком потопил в ненависти все чувства сострадания и нежности к маленькому беспомощному существу, много лет тому назад?

Дед перебил торопливо:

– Все, все, Ярик! Притормози! Неужели Наталья не выбросила этот бесполезный листок бумаги? Внук, ты пойми только одно: Инночка безумно тебя любит, даже больше, чем девочек от Кирилла. И это ее бегство в Сибирь, и скоропалительное замужество, и отъезд в Германию – все это бегство от самой себя. Понимаешь, нужно время, чтобы осознать все свои ошибки, которые ты уже не в силах исправить. Ты думаешь, почему мы сорвались из своей страны на старости лет? Чтобы до конца быть рядом с единственной дочерью. Она одинока здесь, даже в своей семье. Не знает она, где этот Александр сейчас. И ты подожди еще немножко, не тревожь пока свою мать. Сама она тебе всю правду расскажет, когда

вы встретитесь.

Ответ в собственном конверте пришел только перед майскими праздниками в конце апреля. Незвестная добрая душа корявым, с наклоном в левую сторону, старческим, неуверенным почерком пояснила, что «родители Александра померли, а он приезжал лет пять назад, продал дом в пригороде и на всякий случай оставил свой новый адрес: Красноярский край, деревня N., лесхоз. И больше не появлялся. А два письма от однополчан, с которыми служил в армии, ему были отправлены».

Щеки загорелись от неожиданного везения. И сразу в своем развитом воображении представил во всех подробностях встречу с высоким громилой под сто девяносто сантиметров роста. Потому что и коренастый дед, и миниатюрная, даже после трех детей, мамочка Инна после шестнадцати лет Ярослава смотрели на него снизу вверх, удивляясь, в кого из родни он так быстро вытянулся.

Учителя физкультуры усиленно сватали Ярослава в институт физической культуры на волейбол или баскетбол. Азарт и победы на многочисленных спортивных соревнованиях, многочасовые тренировки в спортивном зале подхлестывали самолюбие, но всегда честно говорил сам себе: «Спорт – это не мое!»

Легкость и неожиданная сообразительность при составлении компьютерных программ, уверенные победы на шахматных турнирах всех уровней, упорство, когда сидел на школьных и районных олимпиадах по математике и физике до последнего и получал многочисленные грамоты.

И четкое понимание: «Это все – не мое. Ну, дал Господь Бог способности, не обидел и твердостью характера – но ведь нужно будет и платить по счетам, отдавая своими достижениями, успехами, результатом. А пока в голове – полная неопределенность. И нет отчаянной самоотдачи, решимости, понимания, на что выплеснуть свое трудолюбие, напруг всех жизненных сил. А уже через два месяца, как у пионеров был девиз: «Будь готов!», должен быть и немедленный ответ: «Всегда готов!»

«Ни к черту, не готов! Выбрал для сдачи из необязательных предметов английский, информатику и обществоведение – смесь не состыковочных предметов, а куда их употребить – полная загадка! Учителя думают, что какую-то стратегию разработал, как судьбу на сивом мерине объехать, а он, Ярослав, пока в явном тупике».

Вышел во двор, огляделся и представил, как в калитку сейчас входит дед. Затрещин от него не дожدهшься, не дотя-

нется, но привычным матерком он точно сейчас бы любимого внучка обложил.

«Затяжная холодная весна, поздняя пасха, конечно, внесли свои коррективы в начало весенних работ в саду и огороде, но такого запустения дед бы точно не потерпел. Вся осенняя грязь, в беспорядке валяющиеся ветки, остатки сухих листьев, какие-то ящики из-под прошлогодней рассады, не подвязанные ветки малины – нет, извините, экзамены экзаменами, но „весной каждый день год кормит“ – любому мальцу в деревне известно с рождения. И виноград с розами под укрытием, наверное, сопрели. Секатор, грабли и лопату – немедленно в руки! И яблони с грушами срочно нужно опрыскать, а то будешь потом червивые плоды ведрами в землю закапывать».

И, когда до позднего вечера вкалывал в саду, копал уже хорошо подсохшую землю в огороде, пришло четкое понимание – не будет он писать письмо на деревню незнакомому мужику:

«Решено. Сдам экзамены, получу аттестат и сразу поеду в далекий Красноярский край, в деревню N, разыщу Александра Соснина, а дальше – по обстоятельствам. Но для страховки отправлю сначала письмо в сельсовет с обратным адресом на втором конверте: «Прошу сообщить, проживает ли

в настоящее время в Вашем населенном пункте Александр Соснин. Его разыскивает дальний родственник».

Письмо пришло еще через месяц, в начале июня, накануне первого экзамена по математике. На последнюю консультацию в начальную школу Ярослав не пошел. В здании средней школы все кабинеты были опечатаны. Таращились стволы видеокамер. Школа застыла в ожидании.

«Сообщаем, что Соснин Александр Владимирович, действительно, проживает на территории вышеуказанного сельского Совета, работает в лесхозе лесником. Его заимка находится в пятидесяти километрах от села N, и в настоящее время ваше письмо ему пока не передано. Секретарь Совета Скворцова М. А.».

Чертыхнулся про себя: «Двадцать первый век на улице, а письмо тащилось целый месяц по рельсам, чуть-чуть быстрее, чем в девятнадцатом веке на лошадях. Ведь всего один щелчок в Интернете, и сразу готовый ответ. А ты уверен, что в глухомани таежного Красноярского края есть действующий Интернет?»

И времени хватило, и решение созрело: сразу после выпускного – билет на поезд. И на весах судьбы, если решать, что важнее, явно перевешивало стремление увидеть того че-

ловека, который, возможно, является его отцом.

А документы в выбранный вуз можно успеть сдать в последний день, чтобы не трястись перед компьютером в нетерпении месяц, наблюдая, как в списке сдавших аттестаты на данный факультет твоя фамилия стремительно летит вниз после сто балльников и победителей Всероссийских и международных олимпиад.

Классная дама укоризненно покачала головой, явно осуждая родственников Ярослава за то, что бросили несовершеннолетнего внука в такой ответственный жизненный период одного, когда он принес деньги за выпускной вечер:

«А вдруг устроит с ребятами дома гулянки со спиртным и девочками? Накурятся какой-нибудь дряни, передерутся, дом спалят. Ищи потом крайнего!»

Но читать очередную нотацию не стала. Поводов Ярослав пока не давал, но безнадзорность ведь еще никого до добра не доводила.

После отъезда деда и бабушки в Германию парни из школьной сборной осторожно намекнули, что всегда есть повод расслабиться, уединившись в пустом доме со знакомыми девчонками. Но Ярослав показал молча кулак, и же-

лающих настаивать больше не оказалось.

Девчонки – одноклассницы старательно и прилипчиво делали попытки обратить на себя его внимание. У многих были давно серьезные отношения с взрослыми мужиками.

Ярослав усмехнулся: «Каждому – свое». Пробегая глазами по выставленным на сайтах откровенным рассказам современных авторов, иногда хотелось просто пойти в душ и отмыться от грязи, наглых вызовов, нарочитых излияний и порочности сегодняшних юнцов.

Каждый второй герой бравировал знанием зарубежных музыкальных хитов, марок лучших коньяков и сигарет. И модно было прожигать свою жизнь в забегаловках ночных клубов, в объятиях прожженных проституток, давно распрощавшихся с иллюзиями прекрасной молодости.

Сельская жизнь – это специфически сложившаяся атмосфера сочетания упорного труда и добровольного подчинения законам бытия. И понятно – сельская молодежь бежит от этого, попахивающего нафталином прошлого, застоявшегося напряжения и принуждения, желая долгожданной, неосязаемой, подчас выдуманной свободы в замкнутом пространстве нескольких десятков квадратных метров съемных городских квартир.

И шикарный личный автомобиль с его мощным мотором дает своему хозяину только относительное чувство покорения пространства на переполненных улицах столицы и просто большого города. Ведь любой человек находится постоянно в вечной закупорке толпы, и редкие попытки вырваться на море, в горы, в лес только лишний раз подчеркивают твою полную и постоянную зависимость от окружающей действительности.

Дед, Иван Васильевич, последний десяток лет работал завхозом в крупном фермерском хозяйстве.

С весны до поздней осени он не вылезал из кабины мощной «Газели», нового трактора или старенького комбайна.

С семи лет дед научил и разрешал внуку водить старую, но еще крепкую собственную «Ниву», когда пылили по бесконечным полевым дорогам. И никто в семье не считал это какой-то особой заслугой, выдающейся особенностью подростка – будущий мужчина должен быть ответственным умельцем, ведь «пахать» придется всю сознательную жизнь.

Летом Ярослав с пятого класса, согнувшись, иногда даже, становясь на колени в грязную борозду, сгорал под жгучим

солнцем на ручной прополке луковых и морковных плантаций. Зато осенью с еле скрываемой гордостью перед дедом получал вместе с деньгами натуроплату. Друзья плевались, обзывали хозяев капиталистами и скрывались на речке, стараясь поскорее забыть утомительный, беспощадный месяц эксплуатации. Ярослав учился терпеть молча.

После выпускного вечера, в хорошем подпитии, закатив штанины модных дорогих брюк, по колено в неожиданно холодной воде перешли и перетасили через брод девчонок в пушистых бальных платьях, хлебнули, чтобы согреться, из полтарашек подкрашенного соком самогона на высоком берегу, нетерпеливо дождались первых острых лучей разбуженного солнца. Ярослав проспал подряд почти восемь часов. И вечерней маршруткой уехал в Саратов, чтобы не опоздать на ночной поезд. Деду в Германию не позвонил – не хотелось врать.

Глава 3. Облом

От матери и от бабушки Ярославу передалась особенность, которой он, начитавшись фантастики и приключений в младших и в средних классах, сначала не придавал никакого значения:

– Ну и что, если вдруг ночью во сне был участником какой-то странной заварухи и, проснувшись, в ярчайших подробностях помнил даже раскраску боевых шлемов вражеской конницы? Просто интересные сны!

Но бабушка сокрушалась:

«Вырастешь, как и Инночка выросла фантазеркой, будешь летать над землей, а потом случайно споткнешься, и действительность ударит больно и несправедливо».

Но воображение вдруг подсказывало сюжеты военных сражений, запутанных лабиринтов и таинственных пещер, и в результате в третьем классе Ярослав начал в толстой общей тетради писать рассказ про пиратов. Вечерами читал после ужина деду и спрашивал: «Похоже на правду?». Дед смеялся: «А вот писателей в нашем роду никогда не было!». Потом дело дошло до стихов.

Сон на верхней полке плацкартного вагона в духоте убежавшего последнего июньского растянутого дня был настолько ярким, объемным и жестоким, что, проснувшись, в первые секунды Ярослав даже и не понял, где явь, а где рассеянная правда виртуального пространства. Отдышавшись от неожиданного видения, приколол себя: «Зачем днем улегся спать? Ведь бабушка всегда говорила: не спи на закат – голова будет болеть».

Пошел за кипятком, выпил стакан чая с густой заваркой и прилип к окну. Пейзаж постепенно менялся, и беспредельность огромной страны вырисовывалась все яснее именно в этом прогоне от степей и редких рощиц средней полосы до высоченных деревьев диких заповедных чащоб сибирского величия.

Начало сна не предвещало ничего пугающего:

«Он идет по какому-то косогору, по обычной глинистой заброшенной дороге, незаметно входит в какой-то пестрый лес и начинает в сгустившихся сумерках темнеющего пространства осторожно оглядываться. Эта туманная пелена, словно просочившийся дым от недалекого костра, настороженно окутывает деревья, тормозит, не пускает вперед. Нужно проснуться, стряхнуть это наваждение сна, но он медленно тащится в растерянности, потеряв реальные ориентиры

в виде лесной тропинки. И в минуту очевидной паники вдруг из сумрака обступившего леса он вырывается на опушку, завораживающую своей летней, пронизывающей солнечной торжественностью. И в колоссящемся разнотравье, в неглубокой ложине он видит лежащего, раскинув руки, незнакомо-го человека. Он заснул или умер на этом приволье солнца и травы. Лица человека не видно. Жутко. Но его, Ярослава, тоже тянет нырнуть в этот летний просторный травяной шатер, развалиться на пригорке и получить свою порцию солнечного беспредела...». И в эту минуту он проснулся.

Пока от небольшой железнодорожной станции добирался до районного центра на новеньком автобусе по асфальтированной трассе, переночевал в какой-то частной гостинице с общим душем и туалетом в пристройке, то забыл про непонятный, тревожный сон, радуясь, что цивилизация нынешнего века не потерялась в царстве величественных хвойных деревьев.

Но, когда у приземистого одноэтажного «Магнита» спросил, как добраться до деревни N, то ему посоветовали связаться с таксистами или поспрашивать на автостанции попутчиков. Потому что рейсовые автобусы туда не ходят, а жители тех далеких мест скидываются и нанимают машины, если приспичит нужда поехать в больницу или в районные конторы.

И такой экипаж Ярославу повезло найти. Муж привез в райцентр жену с грудным ребенком на медосмотр и прихватил односельчан, пожилую семейную пару, которым потребовалась юридическая помощь. Только после обеда сумели выехать, заполнив доверху большими пакетами багажник, причем Ярославу пришлось вжаться в дверцу, чтобы втроем с женщинами, с ребеночком на руках у матери уместиться на заднем мягком сиденье поношенной «Волги». И расстояние впечатляло – больше ста пятидесяти километров по грунтовому шоссе.

Оставшиеся от весеннего распутия колеи как-то небрежно пытались сгладить бульдозером, и эта постепенно взбирающаяся на появившиеся сопки дорога с непривычки утомила своей непредсказуемостью резких поворотов и укачивающим однообразием глухой тайги вокруг. А впереди по линии горизонта наплывала синь высоких горных вершин.

Все попутчики сопели во сне. Шофер молча крутил баранку, поинтересовавшись в середине пути у Ярослава, есть ли у него родственники в деревне. И, услышав отрицательный ответ, посоветовал:

– Держись дядьки Михаила! У них дом большой, пустят переночевать, – и замолчал до самого конца, изредка раз-

ворачивая неторопливо мятные конфетки «Дюшес», чтобы не заснуть.

Здание сельского Совета, большая деревянная изба, ровесница далекой социалистической революции, была закрыта на новый металлический замок. Улиц было немного, но из-за простора земельного изобилия каждый дом, как хуторок, старался вывернуться от соседних хозяйских построек подальше. Возможно, в опасении от возможного пожара, находясь в окружении легко воспламеняющейся древесины. Или, может быть, чтобы не было поводов для споров с соседями из-за неправильной межи.

Ярослав вежливо попросился на постой к пенсионерам. Никто никаких лишних вопросов не задавал. И, когда после приличного ужина вышел на улицу, его сразу оглушила невозможная тишина, в которой он без привычки утонул, услышав только свое дыхание, когда спускался с крутого обрыва к реке. Ее, возможно, не было на крупных картах, но, пропетляв несколько сотен километров по тайге, она дала приют и жизнь этой деревне.

Утренний визит к «голове» поселения внезапно сразил неожиданно больно и жестоко, хотя речь ведь шла о совершенно постороннем, чужом человеке. Или ожидание этих проклятых писем в пустоте безлюдного дома наштамповало

картины возможного родства с этим нереальным Александром, заставив поверить в невозможное.

Пожилой сухощавый председатель сельского совета на вопрос Ярослава, возможно ли ему встретиться с Александром Владимировичем Сосниным, неторопливо закрыл паспорт Ярослава, помолчал секунд тридцать, а потом уточнил:

– А кем ты ему доводишься? – и, не дожидаясь ответа, сказал тихо. – Если честно, то я даже не знаю, жив ли он сейчас. Понимаешь, никто даже не догадывается, кому Александр перешел дорогу, но почти месяц назад, ночью какие-то уроды пытались его убить. Накануне утром шофер директора лесхоза привез ему на заимку зарплату за два месяца и отпускные, выпили они прилично, шофер уехал, Александр лег спать, дверь не закрыл. И ночью поиздевались над ним неизвестные сволочи, как хотели. Видимо, добивались признания, где деньги запрятал. Всю заимку перешерстили, в погребе даже пол копали. А под утро выволокли на опушку зверски избитого, правые ногу и руку прострелили, чтобы медленно умирал от потери крови и побоев. Все ценное: карабин, винтовку, два телефона, кое-что из шмотья – унесли. Хорошо, что каким-то макаром Александр сам себе раны перемотал. И пролежал он почти до обеда на солнцепеке, пока его сожительница из соседней деревни не явилась. Позвонила быстренько нам, мы из ближайшей воинской части

вертолет вызвали. Вот такая криминальная история.

Секретарь сельсовета заглянула в дверь, что-то хотела сказать, но потом просто потихонечку вошла и молча положила какие-то документы на стол, дожидаясь окончания разговора.

– Полиция в розыск объявила шофера директора лесхоза, который через два дня после случившегося рассчитался на работе, и они с женой исчезли из райцентра. А, может быть, браконьеры какие-то обиды припомнили. Тут, в лесу при встрече даже с хорошим знакомым ружье наготове заряженное держишь, мало ли, что у него на уме за дальностью лет накопело. А ты точно не из полиции?

Ярослав отрицательно покачал головой:

– Нет, я племянник Александра Владимировича! – это странное чувство постепенно убегающей надежды найти отца, растворившееся за давностью лет в упорном нежелании близких приблизиться к разгадке несчастной любви дочери, сейчас выбило из привычки реально оценивать и анализировать ситуацию, чтобы найти возможное решение.

– Где он сейчас находится? Я могу к нему попасть?

– Ты чего, Мария Андреевна, здесь торчишь? – глава совета посмотрел на застывшую женщину. – Иди, работай! Все новости вам обязательно нужно знать!

– Давай так. Я позвоню в воинскую часть, уточню, куда его на лечение доставили, а ты пока здесь поживи. Если его в городе держат, и все обошлось, то, хотя дорога и длинная, но доедешь. А если, – председатель помолчал, – если умер, то скажут, где похоронили. Но звонков пока никаких не было! Даст, Бог, выкарабкается. Мужик здоровый был, сильный! Что это я, как баба, говорю, был! Найдешь ты своего родственника, не переживай!

В обед председатель совета сам пожаловал в дом дядьки Михаила. С порога поздоровался и, присев к столу, доложил, несколько волнуясь.

– Не успел ты, паренек, дядьку своего застать. Несколько дней назад забрала его сожительница из областной больницы, увезла в тайгу на лечение к своей родне и даже адреса не оставила. Стервозная баба! Теперь она Александра Владимировича из своих рук не выпустит! Обхаживала его столько лет, ублажала, стелилась под него, чтобы ребенком привязать, а он свободу больше жизни любил, городской, продуманный, ни на какие ласки не купился. Спал, пользовался, а что не брать, если бесплатно навязывают. А, может

быть, о жене память берег. Серьезный мужчина, только водочкой стал увлекаться в последнее время. Не знаю, парень, что тебе посоветовать. Но ясно, что затянутся твои поиски надолго.

Ярослав не удержался, вскочил из-за стола, подошел к председателю:

– Извините, я даже ваше имя, отчество не спросил! А можно мне попасть на заимку? Я из степной зоны, с Волги. Могу пожить в доме Александра и за него поработать, ведь там сейчас никого нет! И мне на обратную дорогу на поезд деньги потребуются. Вы не беспокойтесь, я вожу машину, знаю трактор, умею с электропилой обращаться. До первого сентября у меня есть время в запасе. А потом нужно на призывную комиссию явиться дома в военкомат.

– Добро! Я с директором лесхоза переговорю. Сейчас время для тайги самое опасное. Уже больше месяца дождей не было. В любую секунду полыхнуть может. Особенно без догляда. А ты, если решил, можешь почти до заимки на тракторе сегодня добраться. Мы сейчас все населенные пункты и дороги усиленно опахиваем. Но километров десять тебе придется пешком через лес пройти. И пока ларек не закрылся, иди, харчей себе набери: хлеба, макарон, круп, масла растительного, муки – сколько унести на себе сможешь. Деньги

у тебя есть? И телефон заряди. Там ведь электричества нет. Ближняя деревня в тайге в километрах двадцати, где движок работает. Поторопись, парнишка!

Глава 4. Открытие

Молоденький тракторист Максим, ровесник Ярослава, рыжеволосый, скуластый, веснушчатый, с невозможно синими глазами, широкоплечий крепыш, изредка оглядываясь на неровную полосу вспаханной плугом заросшей низины вдоль дороги, надрывал горло, чтобы пересилить шум двигателя, и болтал, как заведенный. Выложил историю жизни своей многочисленной родни и свою заветную мечту попасть после призыва в октябре в летнюю часть и обязательно окончить летное училище:

– Тут на земле ползаешь как муравей среди этих гигантских деревьев, неба не видно в глухомани болотной, а с вертолета такой обзор открывается, и ты, как великан, можешь верхушки лиственниц погладить. И петь от свободы начинаешь.

По поводу нападения на Александра Соснина он выложил свою версию, которую обсуждали в их деревне:

– На участке Александра Владимировича – приличная по площади заповедная зона кедрача. А это – чистые деньги в урожайные годы. Бригады со всех сторон туда, как пчелы на мед, слетаются, локтями толкаются. Больно далекое ме-

сто от райцентра, от начальства, правда, и дорог нормальных нет. Но за сезон спокойно можно озолотиться на сборе кедровых орехов. И сам Александр Владимирович в наших краях именно с такой бригадой появился несколько лет назад. Мой папка говорит, по всему видно, что человек городской, начитанный, образованный. Остался на заимке, жил бобылем. Но охотник классный был.

Ярослав не удержался, спросил про сожительницу:

– Председатель совета сказал, что какая-то женщина забрала из городской больницы Соснина и увезла в неизвестном направлении. Она ничего плохого ему не сделает?

Паренек оживился:

– Это Ирина Пушкина. Ты что, пройдоха еще та! С кем только не путалась, пока на Александра Владимировича не вышла. Можешь представить, незамужняя баба весь сезон сбора орехов или потом в сезон охоты поварихой в бригаде среди пяти – десяти мужиков живет в лесу? Если с бригадиром спит, то другие только облизываются. А если у бригадира жена воинствующая, то тут за сезон спокойно эта стерва может по очереди всех желающих обслужить, причем, по несколько раз за сутки.

Ярослав смущенно потупился:

– Не понимаю, как это можно, зная всю подноготную женщины, жить с ней и собирать всю грязь после неизвестных мужиков? Разврат какой-то. Что, у вас в селах приличных, свободных женщин нет?

– Приличных сразу разбирают замуж, или они сами в города уезжают, чтобы не засохнуть здесь. А такие, как это дерьмо, всегда на поверхности плавают. Не переживай, вылечит Ирина Пушкина твоего дядьку и явится с ним под ручку в качестве законной жены. Это местечко денежное они никому не уступят. Хотя, моя мать говорит, что эта лиса могла спокойно быть наводчицей у бандитов. Выгребла заранее все денежки у дяди Саши, пока он с шофером отпускные обмывал, и скрылась. Знала, наверное, где у него тайник был. А грабителям ничего не досталось, вот они и озверели. Женщинам нельзя верить. И нужно от них подальше держаться.

Остановились на развилке двух дорог: одна резко сворачивала с косогора налево, а другая плавно переходила в широкую, ныряющую в непроходимые заросли тропу, на которой две машины при встрече вряд ли бы сумели разминуться.

– Слушай, Максим, ты мне нарисуй типа карты на листке,

чтобы я мимо заимки не прошел, – попросил Ярослав нового знакомого. – Если честно, никогда в настоящем лесу не был. Но попробую не потеряться.

Максим махнул беспечно рукой:

– Станет паршиво, или харчи закончатся, ты к нам в деревню перебирайся. У нас поживешь, родители чужому человеку только рады будут. Не дрейфь, друг! И еще: у Александра Владимировича мотоцикл «Урал» с коляской был. Если его не прикончили гады, поищи у него в огороде, там канистра была с бензином закопана. Сразу всю территорию освоишь. И переложи сейчас часть продуктов из сумки в рюкзак, а то все руки оборвешь. Удачи тебе!

Дребезжанье, грохот всех железных деталей, подпрыгивание и болтанка на кочках, смрад от дизельного топлива в узкой кабине трактора заставляли разговаривать все время на повышенных тонах. Но, когда нагруженный как верблюд Ярослав прошел метров десять по широкой тропе, все звуки человеческого прогресса внезапно пропали, словно ему в уши натолкали толстые ватные шарики.

И он оказался в плену роскошного летнего солнечного дня, который проглядывал осторожно сквозь многометровые деревья откуда-то сверху, просеиваясь случайными лю-

бопытными лучами. Пели неизвестные, невидимые птицы, редкие травинки пытались пробиться сквозь малозаметные следы шин на утопанной земле.

И этот марш-бросок с полной выкладкой немногих вещей и осенней куртки в спортивной сумке, банок тушенки, сгущенки, трех буханок хлеба и многочисленных пакетов с будущими кашами и супами в рюкзаке на предполагаемом десятке километров затормозил невольно сознание только на упорном рассмотрении дороги под ногами при ходьбе.

Пару раз делал десятиминутные остановки, снимал рюкзак и вытягивался на мягкой подстилке из прошлогодних сосновых иголок, но обязательно какая-то коряга втыкалась в бок или спину, и приходилось уговаривать, даже заставлять себя встать и тащиться дальше. Потом перестал снимать рюкзак, по туристическим законам просто прислоняясь уставшей спиной к шершавой коре мощного ствола.

И, когда по болотистой низинке, растревожив полчища комаров, вдруг выбрался из сумрака чащобы на высотку открывшегося редколесья, то ахнул от непередаваемого великолепия воистину шишкинского пейзажа. На высоком берегу реки, на опушке леса в некотором отдалении маячила небольшая изба, срубленная из бревен, несколько построек, прилепившихся к ней, которые угрюмо и отстраненно, слов-

но с опаской, рассматривали появившегося незваного гостя.

И это преломление в сознании распахнувшегося дня, готовящегося к скорому закату солнца, и угрюмого недоверия пугающей чащи настораживало, напрягало. Потому что не покидало чувство, что тебя кто-то постоянно «пасет», идет за тобой незримо, караулит каждый твой шаг, выжидает какой-то необъяснимый момент, когда ты вдруг покажешь свою слабинку, неуверенность, просто споткнешься. А что будет потом – неизвестно.

Дверь избушки была подперта старой штыковой лопатой и опечатана бумажной полоской, видимо, побывавшим здесь следователем или участковым.

Нужно было обживать эту чужую территорию, раз сгоряча напросился на работу. И ведь даже не спросили, сколько полных лет. Глянул председатель совета на рослого парня и не стал размазывать бюрократию: «Парню деньги нужны на дальнюю дорогу домой, пусть поработает». И все так просто и реально, по-человечески.

И тут сквозь тысячи километров, роуминги прорвался звонок деда:

– Ярослав, ты куда пропал, почему не звонишь? Бабуш-

ке операцию сделали нормально, уже потихоньку с кровати встает. Что у тебя новенького? Смотри, чтобы не было поводов нас огорчать!

Проговорил бодро:

— Дед, не беспокойтесь, я в городе, в маршрутке. Перезвоню, как освобожусь.

Заряд батареек телефона нужно было беречь. И напал зверский голод. Отдыхая на широкой лавке, не утерпел, отломил краюху темного хлеба, намазал джемом расхваленной фирмы из экономной пластиковой упаковки, не решаясь почему-то сделать несколько шагов к коряжистым ступенькам старого крыльца.

Захотелось горячего чая с крутой заваркой. И, чтобы оттянуть минуты непонятного страха от осмотра того места, где убивали человека в темноте ночи, достал из сумки пачку спичек и начал разжигать старенькую кирпичную печку под деревянным навесом, рядом с дощатым крепким столом.

Эта начавшаяся жизнь в роли новоявленного Робинзона с полным рюкзаком продуктов обещала относительное благополучие во дворе обжитого дома, хозяин которого вполне мог появиться в любой момент. У вспаханного, но не засеян-

ного огорода был вырыт колодец внутри небольшого сарайчика с закрывающимися створками и с пронзительно вкусной водой. Сварил гречневую кашу в чугушке, не пожалел банки говяжьей тушенки. Соль стояла тут же в литровой банке из-под кофе.

И опять не смог заставить себя войти в дом. Пошел на берег реки. И через час простого созерцания течения беспокойной воды, стремительно убегающей от склонившихся крон мощных деревьев, понял, почему этот его несостоявшийся отец променял бродячую жизнь геолога, не сложившуюся семейную жизнь на вот это уединение от суеты обычной городской жизни.

Решительным шагом пересек двор и заглянул в соседний с домом сарай. Бесподобный запах недавно скошенного и высушенного разнотравья, свернутое в тугой рулон байковое одеяло, большая деревенская подушка – этого было достаточно Ярославу, чтобы притащить сюда свои вещи и продукты, осмотреть с фонариком грузила, крючки и поплавки на складных удочках в углу, положить рядом с подушкой массивный топор. И, не раздеваясь, упасть на душистое ложе. Никакого запора на двери не было. Но это была последняя уплывающая вместе с ним в сон мысль.

Глава 5. Заимка

Такого беспорядка от произошедшего в доме побоища Ярослав даже не мог себе представить. Было видно, что здесь, меньше месяца назад бились насмерть. Все, что можно было поломать, разбить, валялось как свидетельство отчаянной обороны очень сильного человека против группы подготовленных бандитов, которые пришли убивать.

И никакие мольбы, и даже предложенные в виде откупа от смерти большие суммы денег не смогли бы спасти хозяина дома от нелюдей, которые оказались здесь не случайно. Сколько их было? Следователи это выясняют, но точно, не меньше четырех. Потому что с тремя, Ярослав был в этом уверен, даже он поборолся бы. Как же это подло и бесчеловечно толпой навалиться на безоружного человека! И держать его под прицелом охотничьего ружья или карабина, чувствуя свою безнаказанность!

Нужно было наводить порядок. С седьмого класса по просьбе деда Ярослав освободил бабушку от мытья полов дома. Ей оставили только кухонную посуду и полив комнатных цветов. Но сейчас Ярослав не знал, с чего начать.

Дом был разделен на две неравные части. В большом за-

ле было два маленьких оконца. В маленькой комнате, исполнявшей роль кухни, высилась огромная русская печь, которая служила естественной перегородкой в доме, и было только одно окно.

Два приличных по размерам, сорванных со стен фабричных ковра валялись небрежно на полу из некрашенных досок. Ножки стола переломились у основания столешницы. На них легла боком самодельная книжная полка. Перевернутая широкая массивная лавка, которая служила, наверное, в качестве кровати, перегораживала комнату поперек. Черепки от разбитого синего чайного сервиза отсвечивали по всем углам.

Но особенно досталось книгам. Разодранные варварами пополам, с вырванными страницами они дополняли картину полной запущенности необитаемого сейчас пространства. Всюду на полу были видны темные пятна, возможно, крови. И неожиданно на окне в кухне – целая, с жирно закопченным стеклом, старинная керосиновая металлическая лампа, почти полная горючей жидкости.

Видимо, уходя из дома, негодяи ее аккуратно погасили. А ведь, швырни ее зажженную на пол, от дома и сараев во дворе остались бы только черные головешки. Значит, это были не пришлые убийцы, сбежавшие из тюрьмы или из по-

селений, которым было наплевать на все, лишь бы добыть долгожданные деньги, которые у приезжего лесника водились по их догадкам или сплетням досужих людей.

Ярослав задумался:

«Любое зимовье на безмерной территории тайги в несколько десятков тысяч квадратных километров всегда давало приют и крышу людям в долгие месяцы зимнего бездорожья, спасало от хищных зверей. И что бы стало с тайгой, на опушке которой спрятался этот дом, от пожара, когда даже случайная искра от костра грозит в лесу бедой?

Знали, сволочи, что вернутся сюда, в эти кедровые леса — залежи чистой прибыли! Поэтому и бились с Александром в полной темноте комнаты, а, когда сумели его обезоружить и связать, зажгли лампу и устроили допрос с пристрастием. А потом обшарили все закоулки в доме и во дворе. И, боясь раннего рассвета и случайных людей, выволокли беспомощного во двор и, глумясь, оставили умирать».

Ярослав так ясно представил всю эту картину, что, выйдя на крыльцо, смущенный неожиданной догадкой, прошел мимо колодца, через заросший травой огород к высокому косягу, за которым сразу вставала темная стена леса.

Да, он не ошибся. Именно это место, которое сейчас только слабо освещалось лучами поднимавшегося, медленно разгорающегося солнца, он увидел во время сна на закате в поезде. Эта шелковая неторопливость склонившейся, перестоявшей травы, раздольно захватившей когда-то отвоенный человеком у леса кусок земли, ждала косаря, обещала высокий стог сена, благоухающего запахами чистых расветов и неумного солнца. И, наверное, именно в этом распадке небольшого оврага и лежал раненый Александр.

И пришло понимание простой и ясной правды. Не нужны никакие экспертизы, хватит мучиться сомнениями и догадками, которые мать все равно, рано или поздно подтвердит положительно: Александр Владимирович – его отец. И не случайно прилетел ему на закате такой беспощадно правдивый сон! И не зря он приехал в этот далекий, чужой край.

Потому, что только от беспомощности, ненависти или неразделенной любви рождаются эти глупые, идиотские легенды об отцах – полярниках, об альпинистах, покорявших вершины Гималаев, о космонавтах, погибших трагически при исполнении своих обязанностей. А у каждого ребенка обязательно должен быть рядом портрет его отца, чтобы всегда можно было, с кем себя сравнивать, даже, если тебе навязывают в отцы чужого дядьку – отчима.

Приборка в доме заняла полдня. В узком коридорчике нашел ящик с инструментами и гвоздями, поставил стол и пару табуреток на «ноги». Прибил, напрягаясь, большими гвоздями ковры на стены. Вымыл полы, сложил за дальним сараем, который оказался добротной баней, большую кучу мусора.

Доел гречневую кашу с тушенкой и отправился к реке ополоснуться. Но в ледяной воде продержался не больше тридцати секунд. И, чтобы согреться, припустил бегом по тропинке, по которой сюда пришел.

Номер своего телефона он оставил председателю совета, но за его санаторный отдых на заимке, ясно, платить зарплату никто здесь не будет. А что тут делать каждый день – неизвестно. И за два месяца без работы от тоски завоеешь.

Вытащил на улицу под навес большую старинную корзину с обрывками каких-то документов, вырванных листов из несчастных книг, неизвестных фотографий и начал разбирать.

Почти полностью собрал листы сборника рассказов Джека Лондона, книгу Джеймса Фенимора Купера «Следопыт, или на берегах Онтарио» в шикарной подарочной обложке, несколько потертых сборников из серии «Спецназ. ВДВ».

И вдруг в мусоре оставшихся, не разобранных бумаг Ярослав увидел четвертинку разорванной фотографии своей матери в далекой юности. Это было наваждение, ослепление. Он судорожно вывернул на стол содержимое корзины и, уговаривая себя не беситься, стал искать оставшиеся части. Нашел, сложил и прочитал на обороте: «Дорогому Саше от Инны на долгую память. 12 декабря». И все.

Чтобы успокоиться, пошел разжигать огонь в печке, поставил чайник и стал варить из муки клейстер, вспомнив, как в начальной школе они на уроках труда спасали порванные детские книги. Аккуратно склеенную фотографию матери поставил на столе, разыскав в корзине обычную магазинную рамку, но без стекла.

Карты лесного участка среди обрывков не оказалось. Фотографии неизвестных людей, видимо, родственников Александра Владимировича или его знакомых, Ярослав положил в пластиковый пакет из-под конфет.

И опять, пока варил макаронный суп, обедал, закидывал удочки на плесе, неожиданно подсек на живца две приличные щучки, никуда не испарялась мысль: «Почему „Дорогой Саша“ не стал его отцом?»

А уже затемно на новеньком мотоцикле появился недавний друг Максим:

– Привет, путешественник! Думаешь, наше начальство даст тебе прохладиться? Вот, главный лесничий передал тебе ксерокопию карты и компас. У меня завтра выходной, весь день буду тебя учить в лесу ориентироваться. Как ты тут? Не боязно одному? Лишь бы пожар не случился! В прошлом году с весны до поздней осени без всяких выходных надышались гарью. Руки бы поотбивать тем, кто с огнем развлекается! Сволочи! А вот тебе моя мать гостинцы передала, чтобы не зачах случайно.

В большой брезентовой сумке Максим привез на багажнике полведра картошки, три десятка пересыпанных мукой в пластиковом ведерке яиц, каравай домашнего хлеба, пакет с квашеной капустой и два больших куса соленого сала с аппетитными мясными прослойками и ярым чесночным духом.

– Тут у Александра Владимировича нигде бутылка с самогонкой не завалялась? – Максим деловито осмотрел комнаты, удивился. – А у нас болтали, что дом после налета теперь нежилой стал. Это ты тут порядок навел? Молоток! Пошли, есть хочу, как собака после пробежки. Так что? Нечего нам с тобой за знакомство выпить? Эх! Надо было из дома

прихватить! Ну, и ладно. Так поболтаем. Я ведь про тебя совсем ничего не знаю.

И после ужина, не зажигая лампу, развалились на двух старых ватных одеялах в плену шуршащего душистого сена в погребнице. И Ярослав вывалил незнакомому человеку всю историю своей короткой жизни. И свои предположения о несостоявшемся отце.

Убаюканный неторопливым голосом Ярослава Максим начал подремывать, но, услышав о невероятном видении, схожести места во сне, где лежал незнакомый человек, он стремительно вскочил, пересел к Ярославу и взволнованно пробормотал:

– Ты понимаешь, я во всю эту мистику верю с детства! Точно, Александр Владимирович – твой отец! И фотографию на книжной полке молодой девушки я у него видел! А порвать ее могли не бандиты, а эта чертова Ирка! Из-за ревности! Так! Я, может, на неделе в райцентр рвану, в военкомат вызывают, и обязательно в полицию зайду. Пусть они запросы по всей области рассылают и ищут и твоего отца, и эту стерву. Ишь, командирша! Эти таежные знахари быстренько могут человека на тот свет отправить! Конечно, беспомощный он сейчас с простреленной ногой и рукой, но ты бы за ним лучше любой бабы поухаживал! И поче-

му твоя мать ему ничего о будущем сыне не сказала? Я бы не утерпел, все выпросил!

Заснули поздно. Но Ярослав заметил, что он все реже хватается за телефон, забывает об его существовании, словно неожиданное погружение в необычно далекий от цивилизации новый распорядок отодвинуло все нетерпение ускоряющегося мира на материке, как мысленно окрестил он про себя другую линию жизни за пределами бесконечной тайги, куда-то прочь.

И только дорогие, командирские механические часы на руке, подарок матери на день рождения, поддерживали ниточку связи с реальностью нынешнего мира и далекого За-волжья.

Глава 6. В тайге

Рано утром, пока Ярослав рыбачил на реке, Максим выкапывал из второго сарайчика старенький мотоцикл с коляской, откопал в низинке огорода целую канистру с бензином, бак с керосином и начал нарезать круги по широкому двору, развлекаясь. А после завтрака они отправились в чащобу.

– Тут, в лесу, очень много малозаметных тропинок, по которым звери на водопой выходят. Да не пугайся, не здесь, у тебя под носом, а в самой глуши, – успокоил Максим новичка, когда Ярослав в растерянности начал пугливо оглядываться. – И опытные охотники сразу определяют, где до них даже месяц назад несколько человек прошли. А твоя забота – обойти кусок своей территории и благополучно назад вернуться. В лесу ночевать даже и не думай, «береженного Бог бережет». Засекай по компасу направление движения вот от этого приметного дерева на юг и потопали. И посмотри, что я с собой прихватил?

Максим достал из рюкзака две ветхие простыни и пару рубашек Александра, которые забрал из предбанника:

– Рви на узкие полоски и через двести – триста метров привязывай на приметные деревья на уровне глаз. Собыешь-

ся с компаса или почувствуешь, что—то неладное, обратно по своим следам вернешься. Понял? И чаще на компас смотри. По часам прикинул время, сколько прошел, опять выбери приметный ориентир и направление по компасу строго, например, на восток, и еще через час – примерно пять километров – отдых. А потом – строго на север. Короче, нужно квадрат замкнуть и в исходную точку вернуться. А если заплутаешься, то будешь, пока не стемнеет, по своим отметкам обратно возвращаться, лишние километры накручивать. И еще запомни: идешь на один день в тайгу, а запас продуктов и воды тащишь на неделю. Плохо, что у тебя ружья нет. Спокойнее было бы.

Ярослав огляделся. Да, нужно с детства привыкнуть жить в этой чащобе невозможных зарослей огромных сосен, путанных смешанных лесов, чтобы, пригнувшись, огибая непредвиденные препятствия, судорожно хватаясь за компас, не потащиться потом совершенно в другую сторону. Придется потренироваться несколько дней, не отходя от избушки больше, чем на километр. Вздыхнул:

– Ладно, потопали.

А Максим так бодренько обрадовал:

– Заломленные ветки, засечки топором на стволах, как

в кинофильмах показывают, — не для нас. Это только для опытных следопытов, выросших в лесу. Мы за грибами с пацанами никогда в чужой лес не лезли, опасались. И всегда только толпой, и по своему лесу, где каждая ветка знакома. Да, кстати, ты заметил: ведь мы с тобой по еле приметной тропинке идем? Эх, ты, лопух! Смотри! Под ногами почти лома и веток нет. Ее тут дядя Саша за несколько лет выходил. И это единственная дорога к кедрачам. А отметочки делаем для твоей страховки. Ясно?

Ходьба по лесу вместе с Максимом отодвигала далеко в подкорку сознания наползающие сомнения, опасения и даже страх потеряться в лесных заломках поваленных деревьев, вывернутых трухлявых пней, многолетних буреломов из сухих ветвей.

Все деревья поначалу казались близнецами, на одно лицо, но постепенно взгляд начал выделять тонкие стволы березок, которые безуспешно пытались увидеть солнышко из-за мощных стволов высоченных сосен, развесистую бахромку изящных еловых ветвей почти до земли.

И после двухчасового заметного подъема на сопку, когда глинистая мягкая постилка под ногами из листьев и иголок сменилась каменистыми изломами более твердой поверхности, картина тайги резко изменилась.

Бурелом никуда не делся, но высоченные, корабельные сосны без густых боковых побегов, тонкие, устремленные неудержимо вверх, только там, приблизившись к небу, лохматились обильными, роскошными шапками пушистых веток с длинными иголками.

Они, словно кружились вокруг Ярослава и Максима в одном, для них понятном хороводе вольно и свободно, стараясь не наступить друг другу на пятки, отвоевав в далекие годы, сотни лет назад, свое место под солнцем.

И осязаемый пряный запах смолистой хвои заставил Ярослава остановиться.

– Вот здесь и начинается наш кедровый заповедник. Привал! – Максим сбросил рюкзак под ноги. – Смотри, какие мощные деревья! Называются кедровая сосна сибирская. Ты орешки кедровые пробовал? Тут ты и должен обходы делать, чужих людей отгонять. Не знаю, какой в этом году урожай будет, ведь год на год не приходится. Но вся живность в округе, только благодаря кедровым орехам, здесь и выживает. Тут тебе и медведи, и лоси, и кабаны, бурундуки и птицы. Ну, и люди, конечно! Трудно сюда добираться, дорог практически нет, но все равно скоро со всех сторон полезут.

Он достал из рюкзака четыре мятных пряника, два протянул Ярославу:

– Садись! Отдохнем пару минут! Жаль, что теперь Александр Владимирович инвалидом стал! На костылях по этим чащобам вряд ли проберется. Если только на мотоцикле попробует? Некоторые из самых нетерпеливых промысловиков сюда начнут уже в середине августа подтягиваться, а самый бум в начале сентября начнется и до первых метелей. Если два месяца тут продержишься, то сам в эту свистопляску влезешь. А, может быть, и отец твой к тому времени вернется. Мы тоже с батей решили подзаработать на орехах. До первого октября в лесу жить будем. Адская работенка, но азартная. А потом – «труба зовет, пора в поход!».

Максим встал, отряхнул джинсы сзади:

– По некоторым приметам дождь ночью будет, а мне еще нужно по сухому домой засветло вернуться. Иначе буду всю неделю твои харчи проедать. В следующий раз до вершины сопки дойдем. Вот, где красота открывается! Уходить не захочешь. Перекусили и, айда, назад. И теперь ты по своим отметкам меня из тайги выводить будешь! Давай, старайся!

Выбрались благополучно. В тайге очень рано стало темнеть, и после отъезда Максима Ярославу сделалось невыно-

СИМО ТОСКЛИВО:

«Хоть бы какую-нибудь собаку завел этот непонятный Александр Владимирович! И движок электрический ведь мог спокойно поставить! Что, денег не хватало? Пропивал, наверное, все с бродягами. Лес караулил, зверей стрелял да рыбу ловил – и никаких других проблем! Ни телевизора, ни компьютера, десяток прочитанных сто раз книжек – точно, спившийся алкаш! И тебе нужен такой отец? И ведь ты ради него готов здесь штаны просиживать!

Река притягивала, звала. Рядом с ней было, как в далеком детстве, не страшно. Она пела о чем-то, о своем, что таилось веками в ее непокоренной, неиссякаемой глубине.

Мысли завихрились в другом направлении:

– Если бы я был неандертальцем, то, точно, поклонялся солнцу, воде и реке! На всех валунах и скалах в свободное от охоты время делал бы острым камнем изображения светила и льющегося дождя.

Взбесившиеся комары, видимо, чувствуя приближение дождя, заставили закрыться на сеннике. Сна не было:

«А в лесу, если заблудишься, придется тебе, как в сказке

про Мальчика – с – пальчик, лезть без специальной подготовки на самую высокую сосну и орать оттуда в отчаянии: „Помогите!“ . А вокруг – „шумящее море тайги“! Сколько, интересно, километров мы сегодня отмерили с Максимом? Он говорил, что по тайге пройти за день пятнадцать километров – уже рекорд! Здорово он с этими тряпочками придумал, хотя без него я, может быть, и с ними куда-нибудь в болото точно бы запоролся. Эх, степь – матушка целинная! Дорог – видимо-невидимо! Можно сутки мчаться в любую сторону бездумно, и нет этой устрашающей тишины и угрюмости неприступных деревьев. Судя по старому адресу, Александр Владимирович тоже родом из заповедных брянских лесов. Вот потому-то он тут и прижился! И, возможно, в ВДВ служил. Тоже неплохо! Ладно, самое главное, – без паники!»

Глава 7. Максим

Начавшийся под утро дождь зарядил ровно на три дня. Вылезать из-под крыши не было никакого желания. И, чтобы развлечься, решил затопить баню. Дома дед давно перевел свою баньку на отопление газом, и ни на какие ванные и модные душевые кабинки не пришлось раскошеливаться. И вода была подведена.

А тут, облачившись в старый дождевик и резиновые сапоги, пришлось таскать под негромкой, но настойчиво барабанищей по спине и капюшону капелью воду из колодца, надышаться угаром и копотью из сопротивляющейся железной печки, которой вдруг стало не хватать тяги. Но потом все получилось, и накупался Ярослав вдоволь.

И, когда пил чай с любимыми вафлями, вдруг на минуту представил свою мать в этой заимке рядом с виртуальным мужчиной. Как она топит эту старинную русскую печь, жарит картошку, кипятит воду для кофе, стирает вручную в корыте в баньке белье. И ночью на жесткой лавке тонет в объятиях сильного мужчины, который несколько раз подряд изливает на нее, такую стройную и сексуальную, свое нетерпение и нежность.

«Ага, прямо сейчас! Из маленького чистенького немецкого городка в центре Европы она и думать не хочет вернуться даже в большой промышленный город на Волге, отмахнувшись и заслонившись от родной страны убеждениями, что переехали и живут вместе со своим мужем-немцем только ради достойного будущего своих дочерей! Конечно, сколько людей – столько и мнений! Живут же русские и в Китае, и в Эфиопии».

Ярослав поставил чугунок на огонь, начал чистить картошку на борщ.

«Спасибо матери Максима, всегда знает, что подбросить из продуктов, чтобы он, верный друг ее сына, не отошал. И пасту томатную передала, пакет с морковью и луком, и огромный вилок свежей капусты. Надо позвонить Максиму, чтобы приезжал, как подсохнет, в гости на пирог с капустой по-немецки – штрудель называется. Пальчики оближешь. И пирог сладкий немецкий – кухен – у меня всегда отлично получается. Да, милая мамочка Инна, не удалось тебе из меня истинного немца сделать, русские корни мешают!»

И опять все думы закрутились вокруг своей матери:

«Даже привязанная не такими уж огромными пособиями, зная неплохо немецкий язык, все равно никогда, моя дорогая

мамочка, не станет там коренной жительницей! Ведь в квартире много лет говорят только по-русски. И мыслят по-русски, хотя, приезжая домой к деду, каждый раз мать напускает на себя такую европейскую сдержанность, чтобы никто не догадался, как им там, в чужом государстве, паршиво. И ее работу в большом тепличном хозяйстве легкой не назовешь. А дед с поправившейся бабушкой все равно вернутся домой, ведь оба коренные русские немцы».

Неделю после дождя никто не появлялся. Ярослав сделал попытку выйти на ту таинственную тропу, по которой его провел Максим. Нашел приметное дерево с первой завязанной тряпицей, почти незаметной в сумрачном свете притаившегося леса, прошел с десятков метров по чавкающей, размокшей грязи и трусливо повернул обратно, успокаивая себя, что «никакому дураку не приспичит просто так тащиться в кедровый лес».

А позже, надрываясь и толкая свой заляпанный грязью мотоцикл, весь взъерошенный и потный, появился Максим и буквально рухнул на лавку под навесом рядом:

– Ага, книжечки читаешь? Давай, баню разводи! Буду у тебя сидеть, пока дорога не высохнет! Пять километров не он меня, я его на себе пер! Тут главный лесничий к тебе на вездеходе прорваться хотел, но его в город на совещание вызва-

ли. Вот он меня к тебе отправил: «Вдруг парнишка заблудился в наших чащах! МЧС тогда нужно поднимать!» А парнишка в книжечках картинки рассматривает? Нет желания смыться? Звонил наш председатель совета в полицию. Пока никаких новых сведений о твоём папаше нет. Ничего, оклемается – сразу появится. Май, июнь, июль в тайге – курортное время. Благодать! И теперь после такого дождя одна радость – корзину в руки и за грибами. Хоть можно перестать на время о пожарах думать!

Ярослав перебил нетерпеливо:

– Максим, дай скорее телефон! Меня уже, наверное, в розыск объявили. Дед не знает ведь, что я тайгу поехал посмотреть. Прибьет меня моя мамочка, когда вернусь. Еще один непутевый в семье объявился!

Максим тактично отвернулся, пошарил по кастрюлькам, наложил с верхом в алюминиевую миску рисовую кашу со сгущенкой.

Дед отозвался мгновенно:

– Да, слушаю. Кто это звонит?

– Дед, привет! Это я, с чужого телефона. У моего зарядка

села. Как вы там? Как бабушка? Как мама?

Но дед был, видимо, на взводе:

– К черту твои шуточки! Ты где сейчас? Только честно? В Москву решил поступать? Мы, что, разве против? А молчанием нас давить – это свинство! Мать собралась в Россию лететь в связи с твоим поступлением. Слишком много свободы тебе дали. Профукаешь год и загремишь в армию! Даю трубочку Инне!

Ярослав растерялся. Вот этой правильной, любимой мамочке, как деду, лапшу на уши не повесишь! Ей, точно, нужно было в следователи топать! Решил врать до конца.

– Ярослав, сынок, называй адрес, где остановился? Диктуй, я записываю.

Ничего не придумал умного, как ляпнуть:

– Да дома я. Документы по электронке скинул, и сижу на речке.

Короткая пауза, а потом опять удар под дых:

– Хорошо, диктуй названия университетов, факультеты,

куда сдал документы. Во все четыре вуза сдал? Сколько факультетов выбрал? Ведь все моментально можно проверить....

Опешил, замолчал в растерянности и автоматически выключил телефон.

Через две секунды – звонок:

– Сын, допускаю, что тебя куда-то занесло с твоими очередными выкрутасами. Но прошу и требую: включи голову и без экспериментов. Я очень внимательно изучила правила приема. Двадцать шестого июля заканчивается прием документов в вузы, где учитываются только результаты ЕГЭ. А первого августа заканчивается прием оригиналов документов у тех абитуриентов, у кого достаточно баллов для поступления на бюджетные места. Это первая волна. Короче: двадцатого – двадцать второго июля я прилетаю в Россию, а ты ждешь меня дома. Понятно? Если не пройдешь на бюджет, мы оплатим твое обучение.

И эта чехарда с поступлением, этот властный голос человека, приказ которого он должен был автоматически исполнить, кинувшись, сломя голову, в любой, даже самый захудалый вуз, – ради чего?

Ради будущей непонятной профессии, какой-то фантастической карьеры, ради престижности своего имиджа – все это завихрилось в сознании и вырвалось стремительно непонятным упрямством и неожиданной резкостью:

– Мама, пойми меня правильно. Я не буду в этом году поступать в университет. И мои документы спокойно лежат дома в шкафу на верхней полке. Объясняю, почему я принял такое решение? Я иду осенью в армию, а через год, повзрослев и увидев жизнь совсем в другой плоскости, буду думать, что меня больше всего интересует и привлекает. И давай договоримся: дома я буду только после первого августа. Нам с тобой уже давно пора серьезно поговорить.

Мать несколько долгих секунд молчала, потом переспросила тихо, видимо, там, вдалеке у нее внезапно от неожиданности «сел» голос:

– Ярослав! Это твое окончательное решение? Хорошо, я прилечу первого августа, – и она сама выключила телефон.

Оглянувшись на Максима, который, забыв про кашу, слушал весь этот ближний диалог, Ярослав положил его телефон на край стола. Горло перехватило спазмом.

– Ну, друг, круто ты с матерью разговаривал! Моя мама-

ша меня бы по лавке размазала, даже на расстоянии. Это ты из-за отца на институте крест поставил? А если он вообще не появится?

Ярослав перебил резко:

– Пошли в дом! Там я ворох фотографий собрал в пакет. Посмотришь! Нет ли там фотографии Александра Владимировича случайно?

Фотографий оказалось две: одна, небольшая, для паспорта или охотничьего билета, а другая – любительская, давнишняя: Александр Владимирович с пушистым псом осенним днем позировал на фоне дома.

Загоревшее, гладко выбритое лицо с правильными чертами, несколько тяжеловатый раздвоенный подбородок, упрямо сжатые губы, прямой нос, высокий лоб с поперечной складкой между нахмуренных бровей, небольшие припухшие мешки под внимательными голубыми глазами, непонятная стрижка с зачесанным налево коротким чубом темных густых волос. Незнакомое, без тени улыбки чужое лицо человека, которого трудно будет назвать непривычным словом «отец».

Максим уверенно провозгласил:

– Вот, черт! Ты с ним – одно лицо! Только глаза у тебя, на-
верное, материны! И худющий пока, весь в рост выгнал! По-
здравляю! Пошли на радостях шнапса самодельного дернем!
Это ж надо, я в такую невероятную историю попал! Мне,
что ли, отпуск попросить да отправиться в город на розыск
твоего папаши? А вдруг получится?

Бутылку самогонки закончили под утро. Дома, на празд-
ники, только в одиннадцатом классе дед стал наливать Яро-
славу в небольшую стопку водку, а до этого доставалось, как
и бабушке, только самодельное виноградное вино. Но на сбо-
рищах с друзьями перепробовал разное. Несколько раз вы-
ворачивало так, что давал сам себе приказ: больше никогда
не прикасаться к отраве.

С самогонкой благополучно «пронесло», хотя проспали
до самого обеда. Баня остыла, но после обливания еле теп-
лой водой очухались и пошли на рыбалку. Потом нажарили
большую тяжелую сковородку рыбы, наелись и опять зава-
лились спать на сеннике.

Глава 8. Перевал

Утром спозаранку Максим потащил Ярослава во второй сарай искать корзинки для грибов. В углу стоял, прислоненный к стене, непонятный предмет, похожий на гигантский молоток.

– А это что за прибамбасы? – удивился Ярослав. – Такой дубиной насмерть человека угробишь!

– Это колот. Шишки кедровые с дерева им сбивают.

– Господи! Сколько же человек его таскают?

– Представь себе – один человек. Поставишь у основания сосны, оттянешь на себя, и со всей силы надо шархнуть по дереву! И шишки посыпались, только голову пригни, чтобы не попали по темечку! А потом в ведро или специальный фартук собирай.

– Бедное дерево! А оно не засыхает после такого варварского способа добычи? – Ярослав попробовал приподнять бревенчатый молоток, состоящий из черенка с половинку молодой сосны и чурки из части молодой березы, но тут же опустил это сооружение на земляной пол. – Ишаком надо

быть или великаном, чтобы такой игрушкой по дереву стучать! Сколько же в нем килограммов?

Максим с удивительной легкостью начал махать колотом перед Ярославом, и потом целую минуту пытался восстановить дыхание:

– От двадцати до семидесяти килограммов. Чем тяжелее колот, тем лучше эффект сбивания шишек. А что дереву сделается? Оно раз в два года плодоносит. Раны потихонечку смолой запекаются. Это поначалу тяжело, а потом, весь в азарте, положишь, колот на плечо и бегаешь по лесу весь день! И ничего, все живые! А не нравится безопасный способ добычи, бери когти специальные и лезь на вершину. Мужики очень часто именно так шишку добывают.

– И ты лазил на верхушки?! – Ярослав увидел эти самые когти на стене еще, когда осматривал все владения Александра Владимировича во второй день. – Тут же надо специальное альпинистское снаряжение покупать и веревки капроновые для страховки. И курсы пройти не помешало бы!

Максим рассмеялся:

– Пойдем в гущу! Выбирай сосну повыше, и я тебе покажу, как это делается без всякой веревки. А, если свалюсь, то

на самогонку спишу.

Это цирковое представление с участием Максима невозможно было смотреть без затаенного чувства страха, когда, обхватив крепко шершавый ствол сосны руками, всаживая специальные металлические клыки когтей в бедный ствол, Максим, напрягаясь, достаточно быстро, без всякой страховки «прошагал» метров восемь до первых корявых сучков обломанных ветвей.

– Все, все, слезай! – замахал руками Ярослав. – Мне все понятно! Только держись, ради Христа, хоть за воздух!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.